DOI 10.22455/2619-0311-2018-2-10-43
УДК 821.161.1

Наталья Тарасова

**Проблемы изучения рукописного и печатного текста
романа
Ф.М. Достоевского «Идиот»**

Natalia Tarasova

**Problems of studying the handwritten and printed text of
Dostoevsky's novel «Idiot»**

Об авторе: Наталья Александровна ТАРАСОВА, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Живет в Санкт-Петербурге. E-mail: natsova@mail.ru

About the author: Natalia A. TARASOVA, Doctor of Letters, Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences. Lives in St.-Petersburg. E-mail: natsova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена текстологическому анализу рукописей и печатного текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот». В результате выполненного исследования уточнены датировки отдельных черновых набросков и установлены новые факты истории текста и творческой истории произведения. Наблюдения и выводы, представленные в работе, могут быть использованы при подготовке современных научных изданий текстов писателя.

Ключевые слова: Достоевский, «Идиот», текстология, записные тетради, проблемы публикации текста.

Abstract: The article is devoted to the textual analysis of the manuscripts and printed text of Dostoevsky's novel «Idiot». The study allows to clarify the dates of some author's notes and to discover new facts on the history of the text and the creative history of the novel. Comments and conclusions presented in the paper can be used in the preparation of modern scientific publications of the writer's texts.

Keywords: Dostoevsky, «Idiot», textual criticism, notebooks, publishing practice.

I.

Черновые записи Достоевского: контекстуальный анализ

Текстология романа «Идиот» достаточно сложна – прежде всего потому, что для полноты картины недостает источников текста. Замысел романа отражен в трех записных тетрадах Достоевского, где содержатся планы и наброски к данному произведению. При этом не известны связный черновой и беловые тексты, нет наборной рукописи, что затрудняет решение вопросов, связанных с изучением печатного текста романа.

Рукописи романа «Идиот» были изданы дважды – в 1931 г., под редакцией П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова, и в 1974 г. в составе академического ПСС Достоевского [Достоевский 1972–1990: IX]¹. Обратимся к текстологическим проблемам изучения указанных рукописных источников, сохраняющим актуальность на сегодняшний день.

Одним из самых сложных, обсуждаемых до сих пор вопросов остается *порядок расположения записей* и его отражение в печати. О внешнем виде черновиков писателя и общем характере развития творческого процесса писали в 1920–1930-е гг. исследователи, начавшие работу по изучению архивных материалов. Б.В. Томашевский указал на наличие в автографах «отдельных отрывочных строк, иногда выписанных каллиграфически, иногда переходящих в неразборчивый черновик», на «вставки и пометки на полях», «выделение крупными буквами особо значительного», «условные знаки», «готику» Достоевского [Томашевский: 99]. Н.Ф. Бельчиков охарактеризовал последовательность заполнения записных тетрадей, подчеркнув, что Достоевский «часто писал попеременно, торопливо записывая пришедшую в голову мысль там, где свободно. И в тетрадях его можно встретить не раз случаи записывания материалов об одном и том же сюжете в двух-трех местах, из которых (материалов) одна часть бывает записана в начале тетради, другая – в конце и в обратном порядке. Посредине эти записи бывают разделены другими, совсем неоднородными с первыми записями» [Бельчиков: 75]. П.Н. Сакулин в предисловной статье к изданию рукописей «Идиота» сформулировал проблему, возникшую при изучении автографов писателя: «Иной страничкой в “записных книжках” Досто-

¹ Произведения Достоевского цитируются по этому изданию. Произведения, вышедшие в новом издании: [Достоевский 2013–2016: I–VI] – цитируются по нему.

евского можно, пожалуй, залюбоваться и восхищаться так же, как восхищался Мышкин различными шрифтами и почерками. Но вот разом нахлынет туча мыслей; идеи громоздятся друг на друга, как глыбы льда в половодье. Лихорадочно бегают перо по бумаге и нервным почерком закрепляет думы автора, как попало и где попало. Тут исследователя встречают большие трудности: как прочесть этот рассыпавшийся и частью разбитый бисер? куда отнести написанное?» [Из архива...: 5]. Указанные особенности заполнения тетрадей определили задачи текстологов – установление порядка записей и их взаимосвязи, отнесение конкретных записей к тому или иному авторскому замыслу, датирование текста (в одной тетради оказывались записи разного времени, нередко без авторских дат).

Как известно, именно П.Н. Сакулин обосновал аналитический подход к изучению рукописного наследия Достоевского и концепцию издательства материалов на основании исследовательской интерпретации творческого процесса писателя: «...нельзя было бы механически воспроизводить “записных книжек” Достоевского. Требуется предварительный анализ записей, чтобы разместить их в том порядке, какой соответствует действительному ходу авторской мысли» [Там же]. Верная в своих исходных установках – следовать за автором, пытаться установить порядок, хронологию возникновения его записей, – эта концепция предполагает вместе с тем возможность существенных перестановок авторского текста согласно выводам публикатора. Для П.Н. Сакулина это естественное следствие текстологической работы: по его собственному утверждению, исследователь считал «своей неперменной обязанностью» «приведение в порядок капризных записей Достоевского» и «производил иногда очень значительные перестановки записей», за исключением тех случаев, когда «не хватало твердых данных». Эти пояснения публикатор завершил довольно смелым заключением: «Тот или другой промах с моей стороны существенного вреда принести не может, потому что оригинал в данном месте, очевидно, представляет нечто весьма хаотическое» [Там же: 6].

В связи со сказанным возникает вопрос о пределах исследовательского вмешательства в авторский текст: отнюдь не всегда рукописный материал содержит признаки, по которым можно было бы *точно* определить ход творческого процесса. По замечанию П.Н. Сакулина, существенную помощь в изучении рукописей «оказывают даты, очень часто проставляемые Достоевским» [Там же: 5]. Однако даты есть не во всех тех «проблемных» местах автографа, при чтении которых воз-

никает вопрос о последовательности записей; исследователям приходится делать выводы о творческом процессе, основываясь на других признаках (характер почерка, цвет чернил и др.), поэтому в разных изданиях текста эти выводы могут разниться.

В рукописях «Идиота» есть авторские даты, по которым имеется *некоторая* возможность отследить ход творческого процесса. В первой из трех тетрадей с набросками к «Идиоту» таких дат 13 (с 14 сентября по 27 октября 1867 г.)², во второй – 14 (с 29 октября по 11/30 ноября 1867 г.)³, в третьей – 60 (с 7 марта по 11 ноября 1868 г.)⁴. Надо сказать, что эти цифры достаточно условны. Последовательность записей в первой и второй тетрадях с немногочисленными датами, имеющими отношение к замыслу «Идиота», устанавливается с меньшими затруднениями, чем в третьей, где много дат, – так как в первых тетрадях больше признаков связного повествования. Датирование набросков, по-видимому, было нужно автору, чтобы систематизировать материал, учитывая нагромождение планов, не всегда связный характер записей, появление маргиналий (которые иногда датировались отдельно и в дополнение к датам в основном тексте⁵), не постраничное изложение мыслей, записывание текста в разных направлениях – в прямом, обратном, вдоль страниц тетради. На эту же задачу указывают и авторские пометы, которые иногда появляются возле дат: «(15 апреля вопрос: Порядок?)» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 53), «16 апреля. Устройство материала» (Там же. С. 55).

² Имеются в виду только те даты, которые проставлены автором в набросках в роману «Идиот». РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5: 14 сентября (2 раза), 4\16 октября, 17 окт<ября>, 18 октября (3 раза), 22 октября (5 раз), 27 октября <1867 г.>.

³ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6: 29 октября (2 раза), 30 октября (и «Заметки к теме 30 октября»), 1 ноября (2 раза), 2 ноября (и «Ноября 2»), «Из последнего 3 ноября», 4 ноября (2 раза), 6 ноября, 10 ноября, «11/30 X ноября» <1867 г.>.

⁴ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7: 7 марта, 9 марта, 10 марта (2 раза), 11 марта (2 раза), 12 марта (2 раза), 13 марта (2 раза), 14 марта, 15 марта (2 раза), 16 марта (4 раза), 17 марта, 19 марта, 20 марта (2 раза), 21 марта, 30 марта, 1 апреля, 9 апреля, 10 апреля (3 раза), 14 апреля, 15 апреля (3 раза), 16 апреля (3 раза), 17 апреля (3 раза), 22 апреля, 23 апреля, 24 апреля, 28 <апреля>, 21 мая, 24 мая (2 раза), 10 июня, 11 июня, 28 июля, 8 сентября, 15 сентября, 4 октября (ноября), 6 октября, 15 октября (5 раз), 7 ноября, [8]{11} ноября <1868 г.>.

⁵ Например, на полях с. 104 (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7) заметка, обведенная чертой:
«10 апреля.

И однако сцену Аглаи с Н<астасьей> Ф<илипповной> непременно, после которой бунт Н<астасьи> Ф<илипповны>. Князь объявляет себя женихом, и тут-то она и бежит с Рогожиным».

Справа от основного текста на с. 91 запись:

«16 апреля. Варя сильно действует на Аглаю».

Понятнее всего порядок записей в связном изложении, когда повествование продолжается при последовательном переходе со страницы на страницу. Но в тех случаях, когда это не связный текст, а разработка разных сцен, или разрозненные наброски, или планы, определить ход записей труднее. В третьей тетради, в которой больше всего дат, несмотря на это много именно таких случаев: дата не проставлена автором, на нескольких страницах подряд расположены планы и отдельные сцены – и не вполне ясно, как записывался текст.

В таких случаях критерием анализа становятся содержательные характеристики материала и особенности почерка. Например, материал с. 132 записной тетради (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7), где находится план: «– Горского видел <...> – Сравнение Заграницы с Р<оссие>й. Человек, развитие. <...> Смерть Белехова <...> В Павловске на даче главы Генерала и Лебедева в распивочной» и др., – размещен в публикациях по-разному.

П.Н. Сакулин отнес наброски со с. 132 к июньским записям (ближайшая дата на с. 126 – 11 июня <1868 г.>) и поместил после материала со с. 128 [Из архива...: 153], где представлены диалоги героев, относящиеся к разным сценам (Князь и Ипполит, Евгений Павлович и Князь), и авторские размышления «после сцены двух соперниц» – Аглаи и Настасьи Филипповны. То есть публикатор попытался встроить план в контекст сцен, в которых разрабатываются мотивы и образы, вошедшие в окончательный текст.

Составители ПСС отнесли с. 132 к более раннему времени – между датами 24 мая (с. 77 автографа) и 10 июня (с. 125) – и поставили ее после с. 76, то есть после записи: «6-я глава. Генерал о старинных сходках с Князем. Генеральша связалась с ним и с Лебедевым» [Достоевский 1972–1990: IX, 269]. В комментариях ПСС записи со с. 132 названы «майскими»: «В последующих майских записях, наряду с новым вариантом сцены чтения Аглаей “Бедного рыцаря” и упоминанием эпизода с “сыном Павлищева” (разработанных еще в марте и апреле и вошедших в VI–IX главы второй части), была задумана история с гимназистом Горским, который “убил все семейство Жем<ариных>”» [Там же: 375].

Вероятно, сыграли роль и записи от 10 июня, в которых разрабатываются сцены с Вельмончеком (будущим Евгением Павловичем Радомским) [см.: Там же: 270, 375]. На с. 132 также упоминается эта фамилия, однако с первоначальным вариантом – Иончек, который больше в рукописи не повторяется.

Илл. 1. Запись «Иончекъ – Вельмончекъ», с. 132 автографа.

Вместе с тем вариант «Вельмончек» есть уже и среди апрельских записей – от 23 апреля:

«Н<астасья> Ф<илипповна>. Замужем, но разошлась с тем, что женит Князя и сойдется.

Или – обещала выйти, когда Князь женится.

Но так как это довольно трудно, то – она Вельмончека завлекает» (с. 82);

«Скандалная сцена на музыке. Н<астасья> Ф<илипповна> переманила Вельмончека» и др. (с. 81).

Далее эта фамилия появляется в записях от 10 июня и позднейших, и здесь уже представлена более подробная разработка образа: «В<ельмон>чек. Вечная и постоянная тонкая насмешка свысока. Очаровательный характер» (с. 125) и т.д.

Кроме содержательных характеристик, стоит обратить внимание на почерк: заметки на с. 132 сделаны тем же почерком, что и записи, датированные апрелем. Имеет значение и оформление заметок как плана – в таких случаях автор использовал недиалоговые тире, открывающие практически каждый новый абзац (новую строку). Например, таковы записи на с. 116 от 8 апреля, близкие по своему графическому оформлению к плану со с. 132:

Илл. 2. Сравнение записей со с. 132 и 116 автографа.

Учитывая эти факты, следует отнести планы со с. 132 к первой половине апреля и разместить после записей от 1 апреля, то есть после с. 129 автографа, ср.: [Достоевский 1972–1990: IX, 241]. В таком случае будет восстановлена и тематическая связь набросков. На с. 129 есть строки:

«Идиот видит все бедствия.

Бессилие помочь.

Цепь и надежда.

СДЕЛАТЬ НЕМНОГО».

На с. 132 продолжение:

«ЦЕПЬ<, > говорит о ЦЕПИ».

На с. 131:

«Сострадание – все христианство.

Цепь.

Высочайшее Лакейство (St. Lou<i>s. Дюбарри).

Звучать звоном.

Сделать немного».

Записи на этих страницах имеют последовательный характер, на что указывает и лексическое повторение слов о «цепи» добра и христианского сострадания, звеньями которой должны стать люди.

В ПСС этот «символ бессмертия добрых дел» объясняется влиянием романа Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором, «убеждая Андрея Болконского принять масонство, чтобы служить добру, Пьер Безухов говорит: “...вступите в наше братство <...> и вы сейчас почувствуете себя <...> частью этой огромной, невидимой цепи, которой начало скрывается в небесах. <...> Разве я не чувствую <...> что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим. <...> Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, по что я всегда буду и всегда был”» [Достоевский 1972–1990: IX, 465]. По замечанию исследователей, идея набросков «отразилась во всей концепции романа <“Идиот”>, но – непосредственное всего – в монологе Ипполита о благотворном влиянии “доброго дела” не только на приобщающиеся друг к другу личности, но и на “разрешение судеб человечества” <...>» [Там же].

Но стоит обратить внимание и на ближайший контекст набросков, в котором проясняется христианский смысл слов о «цепи и надежде»⁶. В одной из цитированных записей (с. 131) между словами «Цепь»

6 В Новом Завете «упование», «надежда» – слова, определяющие Христа (см., например, 1 Тим. 1:1) или связанные с темой спасения души, ср.: «И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист» (1 Ин. 3:3). Следует обратить внимание и на слово

и «Звучать звоном» упоминается графиня Дюбарри, фаворитка Людовика XV, казненная в 1793 г. Выше на той же странице есть строки: «Про Лебедева и Дюбарри (Аглае)». Из контекста набросков следует, что имеются в виду диалоги с князем и рассказ князя Аглае. В окончательном тексте романа о Дюбарри упоминает племянник Лебедева [см.: Достоевский 1972–1990: VIII, 164], затем сам Лебедев [Там же: 164–165], а далее эта тема возникает в позднейших размышлениях князя [Там же: 190]. *Рассказ о Дюбарри связан с темой милосердия*, которая важна и для предыдущего романа «Преступление и наказание», где Соня называет себя «великой грешницей» [Достоевский 2013–2016: VI, 276], а в исповеди Мармеладова речь идет о всепрощении: «И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных...» [Там же: 22]. В романе «Идиот» Лебедев, отвечая племяннику, говорит: «И что тебе в том, червяк, что я, ложась на ночь спать, на молитве вздумал ее, грешницу великую, помянуть. Да потому, может, и помянул, что за нее, с тех пор как земля стоит, наверно никто никогда и лба не перекрестил, да и не подумал о том. Ан ей и приятно станет на том свете почувствовать, что нашелся такой же грешник, как и она, который и за нее хоть один раз на земле помолился» [Достоевский 1972–1990: VIII, 164].

В ПСС проведено ошибочное соответствие между печатным и рукописным текстом: «Можно более точно приурочить к определенному творческому моменту записи на с. 132, 131 <...> Записи эти были сделаны между набросками от 24 мая н. ст. и самыми последними числами того же месяца, когда Достоевский дописывал V главу второй части, отосланную в Петербург не позднее первых чисел июня н. ст. <...>». В этой главе были претворены заметки со с. 131: “Князь про картину Гольбеина, про Лебедева и Дюбарри (Аглае)” и “Сострадание – все христианство”. После визита к Рогожину Мышкин здесь думает о сострадании как основе человеческого “бытия”, надеясь, что оно “осмыслит и научит самого Рогожина”, вспоминает о картине Гольбеина в связи со стремлением его “силой воротить свою потерянную веру” и о Лебедеве, озадачившем его своими высказываниями о Дюбарри <...>» [Там же: IX, 462].

«лакейство», чаще принимающее в языке Достоевского метафорический смысл: «духовное лакейство», «лакейство мысли», см.: [Достоевский 1972–1990: XXI, 155; XXV, 44, 47, 95; XXVI, 67–69, 74, 140], – в противоположность слову «слуга», в ряде высказываний связанному с христианскими идеями автора («Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием – стань всем слугой», «...желание-то всеслужения, стать всем слугами и братьями и служить им своею любовью...» [Достоевский 1972–1990: XXIII, 47; XXVI, 172]).

Следует уточнить, что фразы «Князь про картину Гольбейна» и «Про Лебедева и Дюбарри (Аглае)» – это не одна запись, а две, разделенные линейкой. Это значит, что они не обязательно относятся к одному и тому же эпизоду романа.

Илл. 3. Разделение записей линейками, с. 132 автографа.

Упоминание Аглаи указывает на то, что это предварительный набросок, не реализованный в романе: такого диалога с Аглаей в окончательном тексте нет. При этом следует вспомнить, что имя Дюбарри и тот контекст, в котором звучит мысль Лебедева и Достоевского о страдании, относятся не к пятой главе второй части, а ко второй, напечатанной в апрельской книжке «Русского вестника», со следующим редакционным примечанием: «Не желая задержать выход книжки, ограничиваемся помещением двух первых глав второй части, начало которой только что доставлено нам автором. Болезнь лишила его возможности выслать ранее продолжение своего труда. *Прим. Ред.*» (1868. Апрель. С. 624).

В письме А.Н. Майкову от 9 (21) апреля Достоевский сообщал: «А теперь даже и минуты времени не имею. Работаю и ничего не делается. Только рву. Я в ужаснейшем унынии; ничего не выйдет. Они объявили, что в Апрельском № явится продолжение, а у меня ничего не готово, кроме одной ничего не значущей главы. Что я пошлю – не понимаю! 3^е дня был сильнейший припадок. Но вчера я все-таки писал в состоянии <, > похожем на сумасшествие. Ничего не выходит. Ч[то]{ем}⁷ я извинюсь перед Катковым – и понять не могу, а Апрельской Книге уж пора выходить. Хоть бы 2 листочка выслать успелось» (ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 51; ср.: [Достоевский 1972–1990: XXVIII₂, 296]). То есть к 21 апреля по н. ст. еще не была готова беловая рукопись второй гла-

⁷ В квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных – вписанный.

вы второй части, где впервые упоминается Дюбарри в связи с Лебедевым, а это значит, что соответствующие черновые наброски на эту тему *действительно относятся к первой половине апреля*. Таким образом, для выяснения дат и уточнения порядка записей нужно учитывать все возможные сведения – почерк, расположение записей на страницах и их контекст, содержание и тематическую взаимосвязь набросков, документальные свидетельства (в частности, письма), помогающие восстановить хронологию творческого процесса. Этот принцип контекстуального анализа помогает уточнить датирование записей Достоевского и во многих других случаях, которые остались за пределами данной статьи в силу ее ограниченного объема.

Еще одна проблема изучения черновики Достоевского, сохраняющая актуальность, – *установление текста*. Надо сказать, что наброски к «Идиоту» написаны более четким почерком, чем записи ко многим другим произведениям, – возможно, потому что именно ко времени создания этого романа относятся многочисленные каллиграфические упражнения автора, эксперименты с почерком при изложении мыслей (использование элементов каллиграфии в повествовании), и сам образ героя-каллиграфа, по-видимому, оказывал влияние на творческий процесс автора. Но несмотря на относительно чистый текст, в нем есть сложные и спорные написания, которые нуждаются в более пристальном рассмотрении. Таких примеров достаточно много, назовем несколько.

На с. 137 (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6) среди записей об Идиоте встречается неточно прочитанная публикаторами заметка.

ПСС: «У Жены. С Умецкой. Фантастические разговоры. Эксцентричность. С Женой горячо, нетерпеливо и пламенно. О своих планах, об идиотизме. <Далее было: (Растлил?) (НВ. Сколько вопросов???)>» [Достоевский 1972–1990: IX, 199]; «Сколько вопросов???» [Из архива...: 76].

Рукопись: «У жены. С Умецкой. Фантастические разговоры. {С женой горячо, нетерпеливо и пламенно. О своих планах, об идиотизме.} Эксцентричность. [(Растлил?) (НВ. Сильно вопросно???)]».

Илл. 4. Запись «Сильно вопросно».

В данном случае при публикации текста произошла замена авторского написания (слово «вопросно» – окказионализм) более типичным, понятным. Ошибки в чтении «Сколько» (вместо «Сильно») и «вопросов» (вместо «вопросно») трудно объяснить с точки зрения графики начертаний: в записи нет ничего похожего на букву «к» в первом слове и букву «в» в конце второго слова. Вероятно, ошибочные варианты возникли в сочетании друг с другом при инерционном чтении слов по «общему рисунку».

Похожий случай, когда произошла замена авторского написания более типичным:

«Непременно как можно больше характеризировать лицо Князя <...>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 34). В публикации: «характеризовать» [Достоевский 1972–1990: IX, 233]; [Из архива...: 113].

Илл. 5. Слово «характеризировать».

Любые новые верные прочтения текста (в том числе на морфемном, а не только на лексическом уровне) важны, так как возвращают авторское слово читателю, но есть и особенно значимые уточнения, связанные с восстановлением целых смысловых контекстов. Такой пример обнаруживается на с. 128 (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7), где одна из записей прочитана публикаторами с существенным изменением смысла.

ПСС: «Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность, 1000 душ <Может быть: 1000 дум>, пророчества – фантасти<ческая> действит<ельность>. Может быть, в Идиоте человек-то более действит<елен>» [Достоевский 1972–1990: IX, 276]; «думъ»; «пророчество»; «Идіотъ челоѡкъъ то» [Из архива...: 153].

Рукопись: «Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность, 1000 душ, пророчества – фантасти<ческая> действит<ельность>. Может быть,<,> в Идеале человек еще более действит<елен>».

Илл. 6. Запись «Можетъ быть,> въ Идеалѣ челоѣкъ еще болѣе дѣйствителенъ<».

Содержание этой записи имеет значение для интерпретации образа «положительно прекрасного человека» в замысле романа «Идиот», равно как и для понимания авторских взглядов на вопрос о соотношении идеала и действительности, длительное время занимавший Достоевского и обсуждаемый, в частности, в литературно-критических статьях, ср.:

«Мы хотим действительности, жизни, веяния жизни. У нас все общество, например, разрешает какой-нибудь современный вопрос, оно стремится к выходу, к идеалу, который оно само себе поставило. К этому-то идеалу и поэты должны стремиться» («Ряд статей о русской литературе. Г-н -бов и вопрос об искусстве» [Достоевский 1972–1990: XVIII, 94–95]);

«Что за истинный, зрелый юмор, какая сила действительности, какая злость, какие типы и портреты, и рядом – какая жажда красоты, какой светлый идеал! В Поэ если и есть фантастичность, то какая-то материальная, если б только можно было так выразиться» («<Предисловие к публикации “Три рассказа Эдгара Поэ”>» [Там же: XIX, 89]);

«Притом же Гофман неизмеримо выше Поэ как поэт. У Гофмана есть идеал, правда иногда не точно поставленный; но в этом идеале есть чистота, есть красота действительная, истинная, присущая человеку» [Там же];

«А стало быть, что же делает тут художник, как не довернется скорее своей идее (идеалу), чем предстоящей действительности? Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность. У нас как будто многие не знают того» («Дневник писателя» за 1873 г. [Там же: XXI, 75–76]);

«Что же касается до нравоучения, которым вы кончаете вашу заметку: “Пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хоро-

ша», – то замечу вам, что это желание совершенно невозможное: без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» («Дневник писателя» за 1876 г. [Там же: XXII, 75]);

«Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны, – на женщин Тургенева, Льва Толстого, хотя уж это одно большое доказательство: если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности» [Там же: XXIII, 88–89].

Критический анализ написаний нередко позволяет обнаружить новые факты творческой истории произведения. Так, в цитированном плане к роману «Идиот» есть помета с указанием фамилии, неверно прочитанной публикаторами. У П.Н. Сакулина: «Смерть Бфляева» (с пометой «Неразборчиво») [Из архива...: 154]. В ПСС: «Смерть Белакова» [Достоевский 1972–1990: IX, 269].

В автографе: «Смерть Бфлехова» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 132).

Илл. 7. Запись «Смерть Бфлехова».

Григорий Белехов – это реальное лицо⁸. В именных указателях и справочной литературе, посвященной творчеству Достоевского, это имя встречается и употребляется вариантно: Белихов – Белехов – Беликов, см.: [Достоевский 1972–1990: XXVIII, 548]; [Ф.М. Достоевский в забытых...: 78–79, 101, 108, 114, 122 и др.]; [Летопись...: I, 198–199 и др.]; [Белов: I, 90–91]. Есть упоминания о Белехове в письме Достоевского А.Е. Врангелю от 23 мая 1856 г. [Достоевский 1972–1990: XVIII, 233]. Автограф письма сохранился (РГБ. Ф. 93. I. 6. 5. Л. 10 об., запись с фамилией Белехова расположена на полях), и мы имеем возможность сравнить написания:

⁸ Новое прочтение «Смерть Бфлехова» и комментариев к данной фамилии (автор Н.А. Тарасова) впервые опубликованы в составе статьи: [Тарасова, Панюкова: 35–36], где (см. с. 23–46), кроме того, более подробно рассматривается такой аспект проблемы установления текста, как исследование специфики авторского почерка.

Илл. 8–10. Фамилия «Бѣлыховъ».

Подполковник Белехов был командиром семипалатинского 7-го линейного Сибирского батальона, в котором Достоевский служил рядовым после пребывания на каторге [Достоевский 1972–1990: XVIII, 548]. Известно, что Белехов стал покровительствовать Достоевскому, поддерживал писателя в этот сложный жизненный период. Именно в его доме «Д<остоевский> знакомится с А.И. Исаевым и его семьей» [Летопись...: I, 199]. А.Е. Врангель в своих воспоминаниях дает следующую характеристику Белехова: «Беликов был преоригинальная личность, достойная быть описанною. Главное его качество было хлебосольство и добродушие. Он происходил из кантонистов. Очень маленький ростом, с круглым брюшком, юркий и подвижный, с большим красным носом, говорил всем “ты, батюшка” и готов был первому встречному отдать последнюю рубашку. Всегда навеселе, любил карты и особенно прекрасный пол, но выбор его не шел далее солдатских жен и дочерей, причем их отцы и мужья обожали его: “Нам он отец родной, сам он из наших”, – говорили они и горько плакали, когда командир спустил их батальонные суммы и застрелился» [Врангель: 25–26]; ср.: [Летопись...: I, 242]; см. также письма Достоевского М.М. Достоевскому от 3 ноября 1857 г. («у нас новый командир» [Достоевский 1972–1990: XVIII, 291]) и Е.И. Якушкину от 23 ноября 1857 г. («у нас перемена начальства» [Там же: 292]) и примечания к ним [Там же: 488]. Это произошло в 1857 г.

О смерти Белехова Достоевский вспоминает во время создания романа «Идиот», причем на той же странице рукописи упоминаются «сын Павлищева» и «рыцарь бедный», то есть речь идет об эпизодах, вошедших в окончательный текст. Есть основания полагать, что обстоятельства смерти Белехова стали отправной точкой для развития одного из мотивов романного сюжета и отражены в окончательном тексте.

О растрате ротной суммы сообщается в «статье» против Мышкина, сочиненной компанией Бурдовского и написанной Келлером [Там же: VIII, 218]. Ложные обвинения, как мы знаем, опровергает Ганя Иволгин. Есть в тексте и реплика самого князя: «Павлищев мой благодетель и друг моего отца. (Ах, зачем вы такую неправду написали, господин Келлер, в вашей статье про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчиненным не было, – в этом я положительно убежден, – и как у вас рука поднялась такую клевету написать?)» [Там же: 226]. Вместе с тем ранее в разговоре с генералом Иволгиным Мышкин замечает, что отец его «умер под судом», но неизвестно, «за что именно» [Там же: 82].

Таким образом, романский мотив растраты ротной суммы, судя по упоминанию о смерти Белехова в набросках к «Идиоту», восходит к реальным воспоминаниям автора о семипалатинских событиях. Параллель «Белехов, покровитель Достоевского» – отец князя Мышкина становится дополнительным свидетельством автобиографичности образа главного героя.

II.

Печатный текст романа «Идиот»: сложные случаи написаний и текстологические загадки

Как отмечено в начале статьи, изучение печатного текста «Идиота» затруднено отсутствием беловых рукописей романа, которые могли бы прояснить многие вопросы, возникающие в ходе исследовательской работы.

Спектр проблем, связанных с печатным текстом, достаточно широк. Это, прежде всего, проблема научной публикации романа, которая бы отвечала современным текстологическим представлениям и задачам. Данный вопрос заслуживает отдельного исследования, поэтому в рамках статьи мы лишь обозначим некоторые аспекты.

Роман «Идиот» публиковался при жизни автора дважды – в журнале «Русский вестник» за 1868 г. (далее используем сокращенное название публикации – *РВ*) и отдельно, книжным изданием, в 1874 г. (далее 1874; известны три тиража – 1874_{1,2,3} с разночтениями в четвертой части романа, подробнее см.: [Солопова: 689]). При публикации текста по указанным источникам с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей материала (как в петрозаводском издании – [Достоевский 1995–2015]) нет тех вопросов, которые неизбежно возникают, если печатать текст в модернизированной языковой версии (как это сделано в *ЛСС*). Попробуем определить условия, которые необходимо учитывать при подготовке академического издания в наши дни.

Бесспорное значение имеет сопоставительный анализ обоих прижизненных изданий – *РВ* и 1874, учитывающий особенности каждого. Текстологическая практика показывает, что первопечатное издание более точно отражает авторский текст, чем последующие переиздания. В отношении романа «Идиот» это «правило» также действительно: многие неточные написания, возникающие в 1874, приходится исправлять по *РВ*⁹. Однако есть случаи, когда в книжном издании исправлены ошибки журнальной редакции романа. Пример пунктуационной правки текста:

⁹ Примеры таких исправлений см.: [Достоевский 1972–1990: IX, 334–336] (список нуждается в дополнениях и уточнениях, часть которых приведена в данной статье).

«– Мои записки, – произнес он с удвоенною гордостью, – написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь!» (1874; ср.: [Достоевский 1972–1990: VIII, 414]) вместо «– Мои записки, – произнес он с удвоенною гордостью, – написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь?» (РВ).

В ответе генерала Иволгина князю Мышкину, без сомнения, звучит восклицательная интонация, а не вопрос. Причиной опечатки стал, по всей видимости, автоматизм прочтения текста: наборщик продублировал вопросительный знак из предыдущего предложения.

В сцене визита князя на вечер к Епанчиным (четвертая часть, гл. V) имеется характеристика речей героя:

«Почти он один и говорил во весь этот вечер, много рассказывал; ясно, с радостью и подробно отвечал на вопросы. Но ничего, впрочем, похожего на любезный разговор не проглядывало в словах его. Все это были такие серьезные, такие даже мудреные иногда мысли. Князь изложил даже несколько своих взглядов, своих собственных затаенных наблюдений, так что все это было бы даже смешно, если бы не было так “хорошо изложено”, как согласились потом все слушавшие. Генерал хоть и любил серьезные разговорные темы, но и он, и Лизавета Прокофьевна нашли про себя, что уж слишком много учености, так что стали под конец вечера даже грустны» [Достоевский 1972–1990: VIII, 429–430].

В прижизненных изданиях разночтение: «любезный разговор» (1874) / «любовный разговор» (РВ). В этом смысловом контексте вариант «любовный разговор» не вполне уместен. При переиздании романа было проведено необходимое в данном случае исправление: речь о том, что князь Мышкин вместо ведения светской беседы, которая и была бы проявлением любезности, начал обсуждать «серьезные темы», что удивило его слушателей.

В тексте есть примеры, в которых возможна различная постановка знаков препинания в соответствии с требованиями современного правописания, – в частности, при использовании деепричастных оборотов. Ниже приведены случаи, когда в РВ и 1874 запятые в данной синтаксической позиции отсутствуют, но они необходимы читателю для того, чтобы понять содержание контекста:

«– Ну, стало быть, вот вам и опыт, стало быть, и нельзя жить взаправду, “отсчитывая счетом”».

В ЛСС запятую восстановили после слова «жить» [Достоевский 1972–1990: VIII, 53], хотя логичнее было бы поставить ее перед «от-

считывая счетом», сохранив смысловую целостность выражения «жить взаправду», которому в предыдущих строках, в рассказе князя, соответствуют слова приговоренного к смерти «ничего бы не потерял» и «ничего бы даром не истратил» (то есть обрел бы новую жизнь – здесь важно именно осознание героем «правды» в момент, когда он думает, что ему грозит гибель).

«Не вертитесь подле меня, Евгений Павлыч, надоели вы мне!.. Так ты, миленький, у них же и прощения просишь, – подхватила она, опять обращаясь к князю».

В ПСС запятая поставлена после слова «опять» [Достоевский 1972–1990: VIII, 237]. Если придерживаться такой логики, то слова Лизаветы Прокофьевны «Так ты, миленький, у них же и прощения просишь» должны были прозвучать ранее, однако в тексте нет реплик подобного содержания. Следовательно, правильнее было бы поставить редакторскую запятую после «подхватила она», тем более что продолжение «опять обращаясь к князю» соответствует содержанию контекста: героиня «опять» обращается к князю, так как до этого она обращалась к дочерям и Евгению Павловичу («Молчи, Аглая! Молчи, Александра! Не ваше дело!.. Не вертитесь подле меня, Евгений Павлыч, надоели вы мне!..»), а перед этим – именно к князю Мышкину («Подождите, я еще князя хочу отблагодарить!.. Спасибо, князь, за угощение!»).

«воскликнула она, судорожно обнимая его ноги».

Здесь возможна вариантная постановка знака – до или после «судорожно», однако более верным представляется вариант ПСС [Достоевский 1972–1990: VIII, 491] с отнесением наречия к действию, а не к речи персонажа: «судорожно обнимала», а не «судорожно восклицала». На это указывают остальные примеры подобной лексической сочетаемости в тексте романа: «Ганя судорожно шевельнулся» [Там же: 120], «она была как в истерике, суетилась, смеялась судорожно, припадочно» [Там же: 121], «смех все еще судорожно и припадочно вздрагивал на его губах» [Там же: 183], «последнее судорожное объятие» [Там же: 190], «Он настойчиво захотел увидеть эти “давешние глаза” <...> Это было судорожное желание его» [Там же: 192], «князь судорожно устремляется к тому дому» [Там же: 193].

В ряде случаев в ПСС допущено необоснованное исправление источников текста. Если деепричастные обороты и одиночные деепричастия являются обстоятельствами образа действия, то есть приближаются по смыслу «к наречию или к сочетанию существительного с предлогом, употребленному в обстоятельственном значении» [Розенталь:

183]¹⁰, сохраняются написания без запятой (так же в прижизненных изданиях; деепричастия передают значения «без компрометирующих последствий», «с торжеством», «без умолку»; в *ПСС* с редакторскими запятыми [Достоевский 1972–1990: VIII, 91, 141, 255]):

«Вам-то уж можно приехать ко мне никого не компрометируя»;

«торжествуя подхватила Дарья Алексеевна»;

«Он не умолкая рассказывал все двадцать минут».

Деепричастный оборот с фразеологическим значением запятой не выделяется [Розенталь: 179] (так же в прижизненных изданиях; в *ПСС* редакторская запятая [Достоевский 1972–1990: VIII, 146]):

«вскрикивал он не помня себя».

Необходимо сохранить вариант источников текста в случае, когда деепричастные обороты выступают «в качестве однородного члена предложения с необособленным обстоятельством» [Розенталь: 181] (здесь – выраженным наречием «гордо»; в *ПСС* редакторская запятая после слова «голову» [Достоевский 1972–1990: VIII, 250]):

«Она стояла гордо, выпрямившись, закинув голову и с презрительным любопытством рассматривала “этих людишек”».

Вариант *PВ* и 1874 должен быть сохранен и в следующем предложении:

«Я, конечно, живу без практических целей, но уважая самого себя и... деловитость, в которой так манкирует русский человек, говоря вообще... желаю поставить себя, и жену мою, и детей моих в положение... одним словом, князь, я ишу совета».

В *ПСС* поставлена редакторская запятая после «но» [Достоевский 1972–1990: VIII, 403], из-за чего следующий далее деепричастный оборот стал относиться по смыслу к словам «желая поставить». Однако в прижизненных изданиях запятая после «но» отсутствует и высказывание имеет другой смысл: «живу без практических целей, но уважая самого себя...». Деепричастие «уважая» относится к глаголу «живу», образуя контекст «живу, относясь уважительно к самому себе...».

10 Следует заметить, что это и другие лингвистические руководства во многом строятся на эмпирическом языковом материале достаточно широких хронологических рамок. Примеры к тем или иным «правилам» нередко заимствуются лингвистами именно из классики, в том числе из произведений XIX в. Языковые представления складываются в течение достаточно длительного времени, исчисляемого не годами, а десятилетиями, если не столетиями, и поэтому к текстам XIX в. применимы многие наблюдения и выводы, зафиксированные лингвистической мыслью XX в. С этой точки зрения, указанная работа Д.Э. Розенталя – один из наиболее полных источников информации о языковой семантике во всевозможных вариантах ее реализации на письме и в художественной речи.

Что касается обособления одиночного деепричастия, то выбор или отказ от знака связан «с лексическим значением глагола-сказуемого»: запятая ставится, когда «деепричастие обозначает другие действия» в дополнение к действию, выраженному глаголом [Розенталь: 184]. Кроме того, одиночное деепричастие в функции обстоятельства образа действия, находящееся в конце предложения, «обособляется, если имеет значение уточнения» [Там же: 185]. При этом возможны варианты истолкования контекста, и ориентиром в подобных случаях является *пунктуационный выбор автора*, то есть *содержание источников текста*. В примерах ниже деепричастия выделены запятой в прижизненных изданиях, в ПСС знак не сохранен [Достоевский 1972–1990: VIII, 334, 356] – это решение представляется неверным, знак следует восстановить:

«вскричал он, захохотав»;

«сказала она, подумав».

В прижизненных публикациях романа иногда проявляется пунктуационный разнобой – в одной и той же синтаксической позиции знаки ставятся по-разному. В некоторой степени это свойство рукописей Достоевского (хотя пунктуация автографа чаще всего обоснованна и определяется логикой авторской мысли и интонацией высказывания) и печатных текстов, на языковой облик которых оказывали влияние участники издательского процесса – наборщики и корректоры. Примеры пунктуационного разнобоя:

«Я, наконец, приутих, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова в ответ. Я постоял в нерешимости; мухи жужжат, солнце закатывается, тишина; в совершенном смущении, я наконец ухожу» (РВ, 1874; ср.: [Достоевский 1972–1990: VIII, 126]).

«И однако же он все-таки дошел, наконец, до чрезвычайно парадоксального вывода: “что же в том, что это болезнь?” – решил он наконец <...>» (РВ, 1874; ср.: [Достоевский 1972–1990: VIII, 188]).

Здесь «наконец» оказывается в роли «наречия-обстоятельства», не являясь вводным словом и соответствуя значению «под конец; напоследок; после всего; в результате всего» [Розенталь: 218]. Однако в прижизненных изданиях оно в такой позиции иногда выделено запятыми. В современном издании в подобных случаях необходима редакционная правка написаний сообразно языковой логике и содержанию контекста.

Поясним следующий пример, в котором требуется редакционное исправление:

«они не могут не согласиться с правом Бурдовского, потому что оно очевидно математическое» вместо «они не могут не согласиться с правом Бурдовского, потому что оно очевидно, математическое» (1874), «они не могут не согласиться с правом Бурдовского, потому что оно, очевидно, математическое» (РВ; так же в ПСС [Достоевский 1972–1990: VIII, 225]).

Слово «очевидно» здесь имеет наречное значение «явно, бесспорно». Однако в РВ стоят запятые – еще один пример, когда слово употреблено в роли наречия, но при этом оказывается в синтаксической позиции уточнения (уточняющего оборота), выделенного запятыми. Обособление превращает слово во вводное, вносящее оттенок некоторой предположительности для современного читателя, в то время как в прижизненных изданиях в таких случаях выражено значение несомненности, уверенности. В 1874 ошибка – при наборе потеряна одна запятая (хотя не исключена корректорская правка, превращающая слова «очевидно» и «математическое» в контекстуальные синонимы). Не представляется возможным восстанавливать запятые по РВ (как это сделано в ПСС) – это приведет к возникновению предположительности, которой в данном контексте нет: само сочетание «очевидно математическое» означает точную доказанность, «законность» «права Бурдовского», если использовать слова Ипполита Терентьева из того же абзаца. Поэтому есть основания для редакционного исправления: слово «очевидно» следует печатать без запятых.

Аналогичное решение применимо к другим местам текста:

«Странное дело: Лебедев, очевидно стоявший за князя, как будто ощущал теперь некоторое удовольствие фамильной гордости после речи своего племянника; по крайней мере, с некоторым особенным видом довольства оглядел всю публику»;

«А вам, милостивый государь, – крикнул он, – следовало бы помнить, что вы все-таки в чужом доме и... пользуетесь гостеприимством, а не раздражать старика, который очевидно с ума сошел...» (так же в ПСС [Достоевский 1972–1990: VIII, 224, 397]).

В РВ и 1874 «очевидно» выделено запятыми, однако смысловой контекст указывает на то, что в обоих примерах нет предположительной интонации и «очевидно» употреблено в значении «определенно». В первом предложении подтверждение тому – антитеза, подчеркнутая выражением «странное дело»: Лебедев определенно на стороне князя, но испытал гордость от нахальных речей своего племянника, направленных против князя. Во втором случае на слова Гани Иволгина

об отце следует ответная реплика Ипполита, в которой поддерживает-ся утвердительный, а не предположительный смысл сказанного Ганей: «– Я не совсем с вами согласен, что ваш папаша с ума сошел <...>» [Достоевский 1972–1990: VIII, 397].

Сказанное относится также к другим словам, контекстуально имеющим разные грамматические значения: «кажется», «может», «может быть» (глаголы и вводные слова), «естественно», «действительно», «видимо» (наречия и вводные слова), «правда» (частица и вводное слово), «конечно» (утвердительная частица и вводное слово), «однако» (противительный союз и вводное слово). Пунктуацию источников текста необходимо сохранять, если она не противоречит грамматическому значению слова, *подтверждаемому смысловым контекстом повествования*.

Слово «опять» в прижизненных изданиях романа не выделяется запятыми, так как используется в роли наречия. Но в одном случае оно имеет смысл вводного слова:

«– Гм!.. Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, как там, справедливее в суде или нет?

– Не знаю. Я про наши много хорошего слышал. Вот, опять, у нас смертной казни нет» [Там же: VIII, 19].

Здесь «опять» используется в значениях «к примеру», «к тому же», «кроме того», поэтому запятые необходимы. Без них слово становится синонимом наречия «снова», в результате чего меняется смысл сказанного: получается, что князь Мышкин говорит о недавней отмене смертной казни. Это, кстати, один из ярких примеров того, что текст прижизненных изданий, при установке на его максимальное сохранение, в научной публикации должен подвергаться критической оценке, включающей и логико-семантический анализ пунктуации.

Что касается лексических разночтений в печатных редакциях романа, то в ряде случаев это следствие ошибок набора:

«пред вами не виноват ни в чем» вместо «пред вами не виноват ни чем» (РВ, 1874₁), «пред вами не виноват ничем» (1874₂, 1874₃, так же в ЛСС [Достоевский 1972–1990: VIII, 466]).

Сочетание «ни в чем» встречается дважды в этом контексте: «Но уж пред нею-то я не подличал, пред ней-то уж ни в чем не виноват; она же меня осрамила и подвела... А впрочем, и пред вами не виноват ни в чем». В РВ и в первом тираже 1874 при повторном наборе «ни в чем» утрачен предлог «в», на что указывают раздельное написание «ни чем» и то, что слово «ни чем» напечатано через «е», а не «ѣ». Корректоры

последующих двух тиражей 1874 истолковали контекст по-своему, исправив «ошибку» – устранив раздельное написание и восстановив «ѣ». В результате появился вариант «ничѣмъ», а следы порчи текста, допущенной в *РВ* и 1874, исчезли, так что опечатку стало трудно распознать. Эта опечатка была отмечена и объяснена Б.В. Томашевским, но не учтена в *ПСС* (ср.: [Достоевский 1926–1930: VI, 556]).

Другое необходимое редакционное исправление текста *РВ* и 1874:

«Но не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившемся из толпы всех других смутных и странных ощущений...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 454].

В прижизненных изданиях – «страшных», но это слово (вероятно, ошибка наборщика) противоречит сказанному в начале предложения, где упоминается об «одном странном ощущении».

Отметим сложный случай, связанный с изменением текста в 1874, когда высказыванию придается иной смысл:

«Он еще успеет перемениться; ему много жить, а жизнь богата... а впрочем... впрочем, – потерялся вдруг князь, – насчет подкопов... я даже и не понимаю, про что вы говорите; оставим лучше этот разговор, Ипполит.

– Оставим до времени; к тому же ведь нельзя и без благородства, с вашей-то стороны. Да, князь, вам нужно самому пальцем пощупать, чтоб опять не поверить, ха-ха! А очень вы меня презираете теперь, как вы думаете?» [Достоевский 1972–1990: VIII, 432].

В источниках текста варианты: «с вашей-то стороны» (1874) / «с нашей-то стороны» (*РВ*). Представляется необходимым сохранить их в списке вариантов, так как здесь возможна намеренная (и согласованная с автором) правка текста в 1874 с целью связать по смыслу первую реплику с последующими («...с вашей-то стороны. Да, князь, вам нужно самому...»).

Следует также сохранить слова «штуку» и «штуки» (*РВ*, 1874) в предложениях:

«Это над ним эта *тварь* эту штуку выкинула, в память прежних связей, чтобы в дураки его выставить <...>»;

«Не понимаю, почему людям в таком же, как я, положении не приходит такая же мысль в голову, хоть бы только для штуки?»;

«Увидите, если этот господин не способен укокошить десять душ, собственно для одной “штуки”, точь-в-точь как он сам нам прочел давеча в “Объяснении”».

В ПСС указанные написания исправлены как ошибка набора на «шутку» и «шутки» соответственно [Достоевский 1972–1990: VIII, 274, 342, 350]. В такой правке нет необходимости: слово «штука» использовалось в разных сочетаниях в значении «выходка», «проделка», «выдумка» [Словарь церковнославянского...: IV, 464], что подтверждают рукописи Достоевского¹¹.

В размышлениях князя Мышкина (вторая часть, глава V): «Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и встревоженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?», – в тексте ПСС внесено редакционное исправление: «восторженного» вместо «встревоженного» [Достоевский 1972–1990: VIII, 188; IX, 335]. Эта конъектура, сделанная, по-видимому, из-за соседства со словами «чувство полноты, меры, примирения» и представлявшаяся более уместной в данном контексте, недостаточно обоснована: вариант, который содержится в источниках текста, имеет право на существование, тем более что речь идет не столько о достижении героем гармонии, сколько о минутном и болезненном его состоянии перед припадком эпилепсии (см. подробнее: [Касаткина: 6]).

В предложении: «Он вошел, затворил дверь, молча посмотрел на меня и тихо прошел в угол к тому стулу, который стоит почти под самую лампадкой» – в ПСС исправлено написание «стулу» (PB, 1874) на «столу» [Достоевский 1972–1990: VIII, 340]. В исправлении нет необходимости, так как далее в тексте сказано, что «Рогожин облокотился на столик» – это можно сделать сидя, а не стоя – вероятно, отсюда упоминание о стуле.

Помимо таких текстологических казусов, которые разрешаются в результате языкового и логико-семантического анализа контекста, есть и примеры более сложные, иногда не до конца ясные, требующие особенной осторожности в принятии редакционных решений.

¹¹ Аналогичный пример правки обнаруживается при анализе источников текста «Дневника писателя» за 1877 г. В наборной рукописи: «В таком расположении духа он позволяет себе иногда даже и пошалить: для шути пишет к иным самым смешным даже лицам <...>» (ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 19, список с поправками Достоевского; в черновом автографе: «для шути» – РГБ. Ф. 93. I. 2. 12. Л. 134). В ПСС вместо «для шути» – «для шутки» [Достоевский 1972–1990: XXV, 134], первое написание ошибочно отнесено к опечаткам.

В «статье» Келлера, о которой Ипполит Терентьев неодобрительно говорит: «...написал неприлично, согласен, написал безграмотно и слогом, которым пишут такие же, как и он, отставные» [Там же: 224], – появляется грамматическая неточность: «...этот едва вышедший из штиблет своего профессора миллионер не мог даже и того смекнуть, что не милости и не вспоможения просит от него благородный характер молодого человека, убивающий себя на уроках, а своего права и своего должного...» [Там же: 220]. Правильно было бы: «убивающего себя на уроках», так как причастие относится к словосочетанию «молодой человек», а не к существительному «характер». Однако в данном случае представляется необходимым оставить текст без исправления, имея в виду характеристику, данную слогу героя.

В соответствии с этой логикой – необходимостью учитывать особенности изображаемых в романе характеров – в тексте следует сохранять также «ошибки памяти» героев: например, 1) когда генерал Иволгин называет отца князя Мышкина Николаем Петровичем и Львом Николаевичем; 2) когда обидчик Настасьи Филипповны (из эпизода в Павловском воксале) назван разными героями по-разному – капитаном и поручиком Молочцовым (Келлер) и Курмышевым (Евгений Павлович). В романе, кроме того, обнаруживаются несоответствия в указании возраста героев: Коля Иволгин – «тринадцатилетний» и «пятнадцатилетний»; Ганя Иволгин – «лет двадцати восьми» и «двадцатисемилетний». Возраст князя Мышкина в начале повествования не конкретизируется – «лет двадцати шести или двадцати семи» [Там же: 6], далее сам герой сообщает, что ему двадцать шесть лет [Там же: 24], а в «статье» Келлера говорится о «двадцатипятилетнем тунеядце» [Там же: 218]. Имеется в виду период пребывания князя в Швейцарии, когда ему, с учетом этой хронологии, действительно могло еще не исполниться двадцать шесть лет. Однако в романе возникает фабульное несоответствие при упоминании возраста героя: в начале произведения князю Мышкину, по его словам, двадцать шесть; в главе IV третьей части романа речь идет о праздновании его дня рождения, то есть, исходя из сказанного, – двадцатисемилетия, однако в главе VII четвертой части, уже по прошествии дня рождения, герой говорит о себе: «Мне двадцать седьмой год, а ведь я знаю, что я как ребенок» [Там же: 457].

В речи Лебедева в сцене сжигания денег на дне рождения Настасьи Филипповны: «Повели мне в камин: весь влезу, всю голову свою седую в огонь вложу!.. Больная жена без ног, тринадцать человек детей – все сироты, отца схоронил на прошлой неделе, голодный сидит, Настасья

Филипповна!!» [Там же: 145] – не ясно, к кому относятся слова «голодный сидит» (учитывая, что в предыдущей части предложения говорится об умершем отце героя, к которому последующее словосочетание относиться не может). В романе «отца схоронил» Рогожин, «сидит без ног» – мать Рогожина (Келлер так же характеризует мать Бурдовского: «страдающая», «болезненная», «без ног»). Однако реплика Лебедева посвящена не им. Из дальнейшего текста следует, со слов этого же героя, что жена его умерла в родах (что указывает на вероятность еще одного фактического несоответствия в повествовании). Возможно, в предложении есть пропуск авторского текста – ошибка, допущенная наборщиками в прижизненных изданиях, не замеченная и по понятным причинам (за неимением наборной рукописи романа) не исправленная в последующих научных изданиях произведения. Слова «голодный сидит» могут относиться к младенцу, о котором читатель несколько позже узнает из характеристики семейства Лебедева: «Это собственный мой грудной ребенок, дочь Любовь, – обратился он к князю, – и рождена в законнейшем браке от новопреставленной Елены, жены моей, умершей в родах» [Там же: 161]. При отсутствии наборной рукописи восполнить пропуск в указанном фрагменте текста не представляется возможным. В то же время есть вероятность иного истолкования этого эпизода: речь Лебедева может быть запутанной и логически бессвязной, так как является выражением его эмоций, вызванных поступком Настасьи Филипповны, и особенностей его характера. Так, например, истолковывает сцену норвежский исследователь Э. Эгеберг: «Излишне сказать, что разные сведения, представляемые господином Лебедевым, совершенно несоразмерны друг с другом. Но это обстоятельство, кажется, отнюдь не беспокоит Лебедева, ни здесь, ни позднее, когда он будет рассказывать истории, чья абсурдность, чаще всего с неким гротескным привкусом, до того очевидна, что они воспринимаются как провокации» [Эгеберг: 492].

В финальной части романа передается «анекдот» о князе Мышкине, то есть слухи, которыми обросла история его отношений с Аглаей и Настасьей Филипповной: «Правда, множество вещей оставались неразъясненными: рассказывали, что бедная девушка до того любила своего жениха, по некоторым – “обольстителя”, что прибежала к нему на другой же день, как он ее бросил и когда он сидел у своей любовницы; другие уверяли, напротив, что она им же была нарочно завлечена к любовнице, единственно из нигилизма, то есть для срама и оскорбления» [Достоевский 1972–1990: VIII, 477]. Обращает на себя внима-

ние часть предложения «по некоторым – “обольстителю”», содержащая лексический пропуск. Вероятнее всего, подразумевалось: «по некоторым слухам – “обольстителю”», однако и в этом случае, за неимением наборной рукописи, мы не вправе изменять текст. У автора могло быть и иначе – «сообщениям», «сведениям», «мнениям». Кроме того, здесь возможны влияние разговорной речи и субстантивация местоименного прилагательного, когда «по некоторым» означает субъект действия (ср.: «по мне» в значении «по моему мнению»): при таком истолковании в тексте нет пропуска как ошибки набора.

Необходимо также пояснить причины, по которым правильнее было бы сохранить вариант прижизненных изданий в эпизоде цитирования и толкования героями пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный», см.: [Там же: 207–209]. Известны следующие издательские решения этого текстологического случая.

В прижизненных изданиях: А.Н.Б. (речь Аглаи), А.Н.Д. (попытка Коли Иволгина поправить Аглаю), А.М.Д. (из пушкинского текста), А.Н.Д. (несобственно-прямая речь, размышления князя Мышкина).

А.Г. Достоевская исправила первопечатный текст в последнем случае (мысленная реплика князя), вероятно, посчитав, что аббревиатура А.Н.Д. содержит ошибку набора (соответственно, изменила А.Н.Д. на А.М.Д., ориентируясь на пушкинский текст и при этом используя кириллицу), см.: [Полное собрание... 1882–1883: VII, 251]; [Полное собрание... 1904–1906: VII, 245].

В собрании сочинений, подготовленном Б.В. Томашевским и К.И. Халабаевым, повторен вариант прижизненных изданий со следующим пояснением: «В тексте романа есть некоторое противоречие с текстом приводимого в цитате стихотворения Пушкина. В то время как в стихотворении упоминаются инициалы А.М.Д., в тексте они дважды цитируются А.Н.Д. <...>. В настоящем издании это противоречие осталось неустраненным, т.к. устранение его было бы связано с изменением инициалов, которые первоначально Аглая подставила на место пушкинских <...>» [Достоевский 1926–1930: VI, 558].

В ПСС внесено исправление в последнем случае использования аббревиатуры – в размышлении князя Мышкина: «Стр. 209, строки 41–42: “переменить буквы А.М.Д. в буквы Н.Ф.Б.” вместо “переменить буквы А.Н.Д. в буквы Н.Ф.Б.” (опечатка во всех источниках)» [Достоевский 1972–1990: IX, 335]. При этом неточно процитированы прижизненные издания: в них не используется латинское D в аббревиатуре А.Н.Д.

В собрании сочинений под редакцией Т.А. Касаткиной сохранен вариант прижизненных изданий и подчеркивается, что «девиз “АНД” вовсе не бессмыслен. Если “AMD” значит “Ave Mater Dei” (“Радуйся, Матерь Божия”), то “AND” – “Ave Notre Dame” – “Радуйся, Госпожа” (французское; то же, что итальянское Madonna) – именование Богородицы, наиболее характерное как раз для эпохи рыцарства, с чем связан целый ряд смыслов романа <...>. И, очевидно, Достоевский помнил девиз (или девиз был нужен ему) именно в таком виде» [Касаткина: 7], ср.: [Фомичев: 384].

Петрозаводское издание следует решению, предложенному А.Г. Достоевской, представляя обоснование правки текста, подробнее см.: [Достоевский 1995–2015: VIII, 718–722].

Полная расшифровка пушкинской аббревиатуры А.М.Д. (Ave, Mater Dei) имеется в автографе, еще не опубликованном в период появления романа «Идиот», см.: [Пушкин 1937–1959: III₂, 732, 1182]. С.А. Фомичев предположил, что «писатель обозначил (перед чтением Аглаи) стихотворение лишь первой строкой, предлагая воспроизвести при первой публикации произведения в журнале “Русский вестник” поэтический текст по одному из пушкинских изданий» [Фомичев: 384]. Действительно, обычной практикой в работе Достоевского над текстом (на что, в частности, указывают наборные рукописи его произведений) было цитирование стихотворений и газетных выдержек с помощью наборщиков: в таком случае в рукописи Достоевский, как правило, указывал начальную строку интересовавшего его источника, предоставляя сотруднику типографии возможность самостоятельно процитировать (набрать) необходимый текст. Судя по тому, что в прижизненных изданиях романа аббревиатура дана кириллицей и лишь в цитировании пушкинского стихотворения появляется латиница, в данном случае дело обстояло именно так: наборщик работал самостоятельно, а автор не сверял характер оформления аббревиатуры в речи своих героев и в пушкинском тексте. В результате возник разнобой и появилось неточное (вследствие авторской описки (?) или воспроизведения по памяти) А.Н.Д. вместо исходных А.М.Д. или А.М.Д. (так, вариантно, выглядит аббревиатура в изданиях пушкинского стихотворения¹²). Достоевский, не сверяясь детально с источником цитаты, мог не помнить точный вид аббревиатуры и расшифровывать ее по-своему. Характеристика,

¹² Как указывает г.Н. Крапивин, аббревиатура на латинице появляется в Собрании сочинений Пушкина, изданном в 1859–1860 гг. Я.А. Исаковым под редакцией г.Н. Геннади [Крапивин: 284].

данная аббревиатуре Аглаей: «какой-то темный, недоговоренный девиз», – едва ли указывает на непонимание самим писателем смысла пушкинских строк. Черновой текст романа свидетельствуют о том, что для Достоевского имела значение их религиозная направленность (которая очевидна и без расшифровки спорной аббревиатуры – из общего содержания стихотворения). В черновиках к «Идиоту» Аглая говорит о рыцарской любви к идеалу, «обожании чистой красоты», и приводит строку, «содержащую эмблему Богоматери» («Да и кто ж после того может быть: Lumen coeli, Sancta Rosa» – РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 61, ср.: [Достоевский 1972–1990: IX, 263]) [Соломина-Минихен: 80]. Полный текст пушкинского стихотворения мог быть известен Достоевскому несмотря на то, что не был опубликован во времена «Идиота»: одна стихотворная строфа («Путешествуя в Женеву / Он увидел у креста / На пути Марию Деву, / Матерь Господа Христа») воспроизведена в статье М.Л. Михайлова «Уважение к женщинам», опубликованной в журнале «Современник» в 1866 г. [Достоевский 1972–1990: IX, 403–404]. Н. Соломина-Минихен указала на то, что эту строфу «Достоевский – явно по памяти и для памяти – внес позднее в записную тетрадь 1880–1881 годов, в раздел “Слова, словечки и выражения”, начатый 17 августа 1880 года» [Соломина-Минихен: 82], см. также: [Достоевский 1972–1990: IX, 403]; [Боград: 158]; в автографе: «Подъезжая под Женеву, / У подножия креста / Встретил <над строкой вариант: Видел> он Святую деву, / Матерь Господа Христа» [Достоевский 1972–1990: XXVII, 44]. Кроме того, по предположению г.Л. Боград, Достоевский «и до статьи Михайлова мог знать не опубликованный к тому времени вариант стихотворения Пушкина непосредственно от сестры поэта», О.С. Павлицевой, бывшей замужем за Н.И. Павлицевым (фамилию которого получил покровитель главного героя романа «Идиот») и в 1863 г. проживавшей в Павловске по соседству с братом писателя М.М. Достоевским [Боград: 153–154].

Вариант, возникающий в речи Коли Иволгина и в несобственно-прямой речи князя Мышкина, а также подразумеваемый, но не использованный Аглаей (которая, произнося «девиз» как А.Н.Б. и Н.Ф.Б., перефразирует его ради иронического намека на Настасью Филипповну), – тот, каким, возможно, его воспроизвел в наборной рукописи сам автор: «А.Н.Д.».

Сохранился черновой набросок к роману, в котором упоминается сокращение, но запись содержит правку, затрудняющую восприятие написанного. Текст наброска исследователи прочитывают двояко:

«Вследствие разговора о рыцаре бедном объяснение с Аглаей об Н.Ф.

Насмешка Аглаи – вместо А.Н. <Д. или Б.> Н.Ф.Б., вас мамаша бедным рыцарем называет» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 63).

В ЛСС первая аббревиатура прочитана как «А.Н.Д.» [Достоевский 1972–1990: IX, 265]. В петрозаводском издании – как «А.Н.Б.» [Достоевский 1995–2015: VIII, 720]. Последняя буква в аббревиатуре прочитывается вариантно в зависимости от того, как интерпретируется линия над буквой: как часть авторского знака, разделяющего записи (в таком случае в аббревиатуре буква «Д»), или как часть буквенного начертания (тогда в аббревиатуре «Б»). Вариант «А.Н.Д.» вызывает больше сомнений, так как в почерке писателя буква «Д» имела иное начертание, тогда как «Б» встречается на других страницах рукописей «Идиота» именно в таком графическом облике, как в данном наброске. В черновике, вероятнее всего, подразумеваются варианты, использованные Аглаей и в окончательном тексте, так как она действительно при цитировании Пушкина произносит вместо первоначально ею названного в диалоге с Колей «А.Н.Б.» более прозрачное по смыслу «Н.Ф.Б.»:

Илл. 11–13. Различие в написании букв «Б» и «Д».

В печатном тексте в речи героев, как указано, дважды появляется вариант «А.Н.Д.», который восходит, вероятно, к наборной рукописи. А.Г. Достоевская справедливо отметила ошибочность этого варианта по отношению к пушкинскому тексту, однако если предполагать,

что у Достоевского это написание не случайно и аббревиатура могла иметь собственно авторскую расшифровку, то, руководствуясь теми же соображениями, что и в случае с «ошибками памяти» героев или автора романа, нет оснований изменять текст, тем более что такое решение нельзя подтвердить достоверным фактическим материалом из рукописных источников.

Список литературы

1. Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение»: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Боград Г.Л. Павловские реалии в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Статьи о Достоевском. 1971–2001 / Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 152–164.
3. Бельчиков Н.Ф. Тургенев и Достоевский: (Критика «Дыма») // Литература и марксизм: Журнал теории и истории литературы. 1928. Кн. 1. С. 64–88.
4. Врангель А.Е., барон. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–56 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. проф. в.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015. Т. 1–9, 11 (изд. продолжается).
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013–2016. Т. 1–6 (изд. продолжается).
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. худож. произведений: В 13 т. / Под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926–1930.
9. Из архива Ф.М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Ред. П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.
10. Касаткина Т.А. Введение. «Необходимое объяснение» // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. М.: АСТ–Астрель, 2004. Т. 4: Идиот.
11. Крапивин Г.Н. История одной мнимой «опечатки»: А.Н.Д., А.М.Д. или А.М.Д.? // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2014. № 32. С. 275–292.
12. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т.: 1821–1881. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
13. Монахия Ксения (Н. Соломина-Минихен). О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот». СПб.: Скифия, 2016.
14. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: [Т. 1–14]. СПб.: Тип. А.С. Суворина; Тип. брат. Пантелеевых, 1882–1883.

15. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904–1906. 6-е изд.
16. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
17. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. М.: АСТ–Мир и Образование, 2015.
18. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847.
19. Солопова А.И. Варианты прижизненных редакций // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. проф. в.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. Т. 8. С. 689–696.
20. Тарасова Н.А., Панюкова Т.В. Графика – семантика – фактография: проблемы текстологии записных тетрадей Достоевского // Неизвестный Достоевский: Электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 23–46. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf
21. Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М.: Искусство, 1959.
22. Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Вст. ст., подг. текста и прим. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
23. Фомичев С.А. Стихотворение о рыцаре бедном: (Текстологические уточнения к академическим изданиям А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского) // Sub specie tolerantiae. Памяти в.А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 378–384.
24. Эгеберг Э. Правда и ложь в романе Достоевского «Идиот» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Материалы Международной конференции, состоявшейся в Университете Тиба (Япония) 22–25 августа 2000 года / Сост. Т. Киносита; ред. К.А. Степанян. М.: ИД «Грааль», 2002. С. 488–498.

Referenses

1. Belov S.V. Entsiklopedicheskiy slovar' F.M. Dostoyevskiy i yego okruzheniye: V 2 t. [The Encyclopedic Dictionary. F.M. Dostoevsky and His Circle. In 2 vls. (In Russ.)]. Sankt-Petersburg, Aleteyya, 2001.
2. Bograd G.L. Pavlovskiy realii v romane F.M. Dostoyevskogo *Idiot* // Stat'i o Dostoyevskom. 1971–2001 / Literaturno-memorial'nyy muzey F.M. Dostoyevskogo v St.Petersburge [Realiae of Pavlovsk in F.M. Dostoyevsky's Novel "Idiot" // Articles on Dostoevsky, 1971-2001 / Literature Memorial Museum of F.M. Dostoyevsky in St.Petersburg (In Russ.)]. St.Petersburg, Serebryanyy vek, 2001. P. 152–164.
3. Bel'chikov N.F. Turgenev i Dostoyevskiy: (Kritika Dyma) // Literatura i marksizm: Zhurnal teorii i istorii literatury [Turgenev and Dostoevsky: Critics on "Dym" // Literature and Marxism: The Journal of Literary Theory and History (In Russ.)]. 1928. Book 1. P. 64–88.
4. Vrangeli A.Ye., baron. Vospominaniya o F.M. Dostoyevskom v Sibiri. 1854–56 gg. [Memoirs of F.M. Dostoevsky in Siberia. 1854-56 (In Russ.)]. St.Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1912.
5. Dostoyevskiy F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete Works in 30 vls. (In Russ.)] Leningrad: Nauka, 1972–1990.
6. Dostoyevskiy F.M. Poln. sobr. soch.: Izd. v avt. orfografii i punktuatsii: Kanon. teksty / Pod red. prof. V.N. Zakharova [Complete Works in Original Spelling and Punctuation: Canonical

Texts / Ed. by prof. V.N. Zakharov (In Russ.)). Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2009.

7. *Dostoyevskiy F.M.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. / IRLI (Pushkinskiy Dom) RAN. [Complete Works and Letters in 35 vls. / IRLY RAN (In Russ.)). St.Petersburg, Nauka, 2013–2016. Vol. 1–6 (continued edition).

8. *Dostoyevskiy F.M.* Poln. sobr. khudozh. proizvedeniy: V 13 t. / Pod red. B.V. Tomashevskogo i K.I. Khalabayeva [Complete Literary Works in 13 vls. / Ed. by B.V. Tomashevski i K.I. Khalabayev (In Russ.)). Mpscpw, Leningrad, Gosizdat, 1926–1930.

9. Iz arkhiva F.M. Dostoyevskogo. Idiot. Neizdannyye materialy / Red. P.N. Sakulina i N.F. Bel'chikova [From F.M. Dostoyevsky's Archive. Idiot. Unpublished Materials / Ed. by P.N. Sakulin and N.F. Belchikov (In Russ.)). Moscow, Leningrad: GIKHL, 1931.

10. *Kasatkina T.A.* Vvedeniye. *Neobkhodimoye ob'yasneniye* // Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy: V 9 t. [Introduction. Necessary Explanation // Dostoyevsky F.M. Works: in 9 vls. (In Russ.)). Moscow, AST–Astrel', 2004. Vol. 4: Idiot.

11. *Krapivin G.N.* Istoriya odnoy mnimoy opechatki: A.H.D., A.M.D. ili A.M.D.? // Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura [History of an Imaginary Misprint: A.N.D. or A.M.D.? // Dostoyevsky and the World Culture (In Russ.)). St.Petersburg: Serebryanny vek, 2014. № 32. P. 275–292.

12. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoyevskogo: V 3 t.: 1821–1881 [Chronicles of F.M. Dostoyevsky's Life and Work: in 3 vls.: 1821–1881 (In Russ.)). St.Petersburg, Gumanitarnoye agentstvo Akademicheskoy proyekt, 1999.

13. *Monakhinya Kseniya (N. Solomina-Minikhen).* O vliyaniy Yevangelii na roman Dostoyevskogo *Idiot* [The New Testament and its Influence on Dostoyevsky's novel "Idiot" (In Russ.)]. St.Petersburg, Skifiya, 2016.

14. Polnoye sobraniye sochineniy *F.M. Dostoyevskogo*: [T. 1–14] [F.M. Dostoyevsky's Complete Works. Vls. 1–14 (In Russ.)]. St.Petersburg, Tip. A.S. Suvorina; Tip. brat. Panteleyevykh, 1882–1883.

15. Polnoye sobraniye sochineniy *F.M. Dostoyevskogo* [F.M. Dostoyevsky's Complete Works (In Russ.)]. St.Petersburg, Tip. P.F. Panteleyeva, 1904–1906. 6th ed.

16. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: V 17 t. [Complete Works in 17 vls. (In Russ.)). Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

17. *Rozental' D.E.* Spravochnik po russkomu yazyku. Orfografiya. Punktatsiya. Orfograficheskiy slovar' [Russian Language Companion. Orthography. Punctuation. Orthographic Dictionary (In Russ.)). Moscow, AST–Mir i Obrazovaniye, 2015.

18. Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniyem Imperatorskoy Akademii nauk: V 4 t. [Church Slavic and Russian Language Dictionary Compiled by the 2nd Department of the Imperial Academy of Science: in 4 vls. (In Russ.)]. St.Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1847

19. *Solopova A.I.* Varianty prizhiznennykh redaktsiy // Dostoyevskiy F.M. Poln. sobr. soch.: Izd. v avt. orfografii i punktatsii: Kanon. teksty / Pod red. prof. V.N. Zakharova [Variants of Lifetime Editions // Dostoyevsky F.M. Complete Works in Original Spelling and Punctuation: Canonical Texts / Ed. by prof. V.N. Zakharov (In Russ.)). Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2009. Vol. 8. P. 689–696.

20. *Tarasova N.A., Panyukova T.V.* Grafika – semantika – faktografiya: problemy tekstologii zapisnykh tetradey Dostoyevskogo // Neizvestnyy Dostoyevskiy: Elektronnyy nauchnyy zhurnal

[Graphisc – Semantics – Factography: Problems of Dostoevsky's Notebooks Textology // Unknown Dostoevsky: Electronic Academic Journal (In Russ.)]. 2016. № 4. P. 23–46. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482754762.pdf

21. Tomashevskiy B.V. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii [A Writer and a Book. Essay on Textology (In Russ.)]. Moscow, Iskustvo, 1959.

22. F.M. Dostoyevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov / Vst. st., podg. teksta i prim. S.V. Belova [F.M. Dostoevsky in Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries / Ed. by S.V. Belov (In Russ.)]. St.Petersburg, Andreyev i synov'ya, 1993.

23. Fomichev S.A. Stikhotvoreniye o rytsare bednom: (Tekstologicheskiye utochneniya k akademicheskim izdaniyam A.S. Pushkina i F.M. Dostoyevskogo) // Sub specie tolerantiae. Pamyati V.A. Tunimanova [The Poem about the Poor Knight: Textological Specifications to Scholarly Editions of A.S. Pushkin and F.M. Dostoevsky // Sub specie tolerantiae. Sacred to the memory of V.A. Tunimanov (In Russ.)]. St.Petersburg, Nauka, 2008. P. 378–384.

24. Egeberg E. Pravda i lozh' v romane Dostoyevskogo *Idiot* // XXI vek glazami Dostoyevskogo: perspektivy chelovechestva. M–ly Mezhdunarodnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Universitete Tiba (Yaponiya) 22–25 avgusta 2000 goda / Sost. T. Kinosita; red. K.A. Stepanyan [Truth and Lie in Dostoevsky's Novel "Idiot" // XXIst c. by Dostoyevsky's Eyes: the Perspective of Humankind. Proceedings of the International Conference in Tiba University (Japan), 20–25 Aug 2000 / Ed. by T. Kinosita and K.A. Stepanyan (In Russ.)]. Moscow, ID Graal', 2002. P. 488–498.